

ФОРМЫ ИСПОВЕДАЛЬНОСТИ В РАССКАЗЕ Г.И. ГАЗДАНОВА «ТРЕТЬЯ ЖИЗНЬ»

А.А. Кухтенкова

Ключевые слова: языковые формы психологизма, лексические текстовые парадигмы.

Keywords: linguistic forms of psychologism, lexical text paradigms.

DOI 10.14258/filichel(2021)4-07

Рассказ Г.И. Газданова «Третья жизнь» посвящен движениям души героя-рассказчика, вызванным его душевной болезнью. «Газданов выделил одну ипостась в жизни человека... Эту ипостась случайного дара жизни он назвал «третьей жизнью». Нормальная жизнь зрелого человека представляется писателю отдохновением после «длительного сумасшествия» творческого акта. Третья жизнь начинается, если однажды писатель переходит в состояние, похожее на болезнь, когда воображаемое и действительное сливаются в одно...» [Коломин, 2008, с. 105]. Условные границы первой жизни очерчиваются детством: *первая кончилась тогда, когда я перестал быть ребенком, вторая жизнь — это иллюзии, мечты, чувственные движения души, игра воображения: это были путешествия, война, книги, университет, встречи и те слепые движения души, которые заставляли меня читать целые часы о давно происшедшем преступлении или писать рассказы...* (Г.И. Газданов, 2009, с. 371).

Третья жизнь в понимании героя-рассказчика — последнее зрение, объединяющее видения и мысли, одухотворенность существования, литературное призвание, душевное погружение, то есть другую жизнь.

Исповедальная природа произведения выражается в формах психологизма. Обратившись к этому вопросу с целью углубить представление об особенностях индивидуального стиля Г.И. Газданова, учитываем классификацию организации форм психологического изображения, предложенную Е.В. Асмоловой и С.С. Тереховой [2006; 2020, с. 15].

Авторы выделяют:

1. **Прямую форму** (изнутри) — непосредственное воссоздание процессов внутренней жизни человека с помощью внутреннего монолога, авторского психологического анализа, несобственно-прямой внутренней речи и т.д.

2. **Косвенную форму** (извне) — фиксация внешних (речевых, пантомимических, физиологических) проявлений внутреннего состояния.

3. **Суммарно-обозначающую** — название того или иного психологического процесса, или состояния.

Исповедальность рассказчика о душевных мучениях представлена в начале рассказа синонимически сближенными суммарно-обозначающими формами выражения тяжелых переживаний в виде атрибутивных словосочетаний. Душевные драмы переданы метафорически и указывают на ненормальные волнения души, вызванные ожиданием наступления третьей жизни. Герой ошибочно полагал, что душевная болезнь в прошлом: «... *могу стать жертвой какой-либо душевной болезни* (перифраза третьей жизни. — А.К.) ... *принадлежу к счастливой части человечества, которая не знает ни сильных душевных потрясений, ни особенных драм, ни резких изменений настроения*. ... *мое времяпрепровождение похоже на душевный отдых после длительного сумасшествия*» (Г.И. Газданов, 2009, с. 366).

Синонимическая цепочка усилительных отрицаний драматического психологического состояния подчеркивает глубину возможных (*могу стать жертвой*) переживаний. На самом деле номинация «длительное сумасшествие» как ассоциат третьей жизни свидетельствует, что подобное уже было с героем, который испытывает теперь душевный отдых, ретроспективный возврат в первую жизнь. Антонимический ряд *отдых, прекратились/ возвращение* проводит условную границу между нормальной жизнью и *душевной болезнью*, то есть *третьей жизнью*.

Герой-рассказчик отказывается называть это болезнью, он называет это переходом в третью жизнь, делает проспективный намек на нее, что представлено прямой формой изображения психологизма. Третья жизнь — это в данном рассказе перифрастическое название указанного психологического состояния, во многом обусловленного пребыванием в *эмиграции*, то есть в состоянии частых сомнений, связанных с тоской о покинутой Родине: «... *стал вновь доступен прежним душевным недомоганиям ... наступило то, что мне кажется не сумасшествием и не болезнью, а переходом в то, что я назвал бы третьей жизнью*. В ней *воображаемое и действительное* настолько сплетены вместе, что нет никакой возможности различить, где *начинается* одно и *кончается* другое» (Г.И. Газданов, 2009, с. 368). Герой-рассказчик старается подобрать более точное название для описания третьей жизни: «...*мне кажется не сумасшествием и не болезнью*», то есть хочет избавиться от двоемирия как сопутствующего проявления душевной болезни. Это состояние художника, творца в широком смысле и поиска вдохновения (именно поэтому антонимы *воображаемое и действительное*

контекстно соединяются). Их границы в искусстве, действительно, условны, сложно отделить процесс создания от результата.

Модус сомнения (*кажется, что я вспоминаю, насколько я помню, по-моему, около трех часов ночи*) открывает перспективные воспоминания героя-рассказчика о переходе в третью жизнь, о творческом поиске. **Воспоминание** — композиционная рамка многих исповедальных произведений Г.И. Газданова — это можно считать основным звеном психологизма писателя. При изображении перехода в третью жизнь используются прямой и суммарно-обозначающий способы выражения психологизма: *«Мне кажется, что я вспоминаю теперь начало тех изменений, которые предшествовали переходу в третью жизнь»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369).

Глубина страданий героя, его безвыходность, напоминает об эмиграции и ее тяготах, обильно оплакиваемых дождем: *«... с вечера шел непрекращающийся ни на минуту дождь; он то усиливался, то ослабевал, летели, не останавливаясь, бесчисленные капли воды... улица проходила точно между двумя глухими стенами»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Используются гипонимы с тактильной семантикой (*зима, дождь, капли воды*), интенсивы (*усиливался, непрекращающийся, бесчисленные*), чередующиеся с экстенсивами (*ослабевал*); заключительное сравнение усиливает впечатление о гнетущем воздействии. Переход в третью жизнь совершается во время эмиграции в Париж. Изменения, происходящие во внутреннем мире души героя, нередко сопровождаются тактильными ощущениями.

Далее наступившее бессознание героя характеризуется метафорически (*забвение*) через отрицание: *«...я потерял сознание. Это не было ни обмороком, ни сном, ни секундным забвением; это было как бы бесконечной душевной пропастью...»* (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Указанное состояние приводит к потере сознания, которое определяется героем метафорически — как душевная пропасть, без физической боли, болезненных последствий. Затем объяснение рассказчика от косвенной формы изображения психологизма переходит к прямой — тоже через метафору (*ледяная ясность ощущения, последнее зрение, не допускающее ошибки, сильное чувство, менявшее в глазах все предметы*). Так, метафорически и при помощи компаративов герой описывает свою дружбу, третью, жизнь.

Именно сравнения в этом рассказе вводят и объясняют двоемие, которое переживает герой-рассказчик, стремившийся к третьей жизни: *«я видел себя со стороны и даже скорее издали, чем вблизи, — а как видят изображение на экране или другого человека»* (Г.И. Газ-

данов, 2009, с. 370). Многофокусностью, калейдоскопичностью своей «оптики» мнемонический текст писателя позволяет сочетать взгляд «изнутри» с позицией героя-повествователя как стороннего заинтересованного наблюдателя — «извне» (по отношению к собственным снам-воспоминаниям).

Здесь представлено ретроспективное воспоминание о дожде, во время которого и было погружение в третью жизнь. Экспликаторами «со стороны» выступают сравнения: *скорее издали, чем вблизи, изображение на экране или другого человека*, а также использование устойчивого оборота *видел себя со стороны*.

Тактильно-визуальное восприятие света фонарей, переданное суммарно-обозначающей формой изображения психологизма при использовании противопоставления, отвечает **двоемирие** (*длительная разлука с собой, призрачная возможность возвращения в себя, тень, небытие, мечта, сон*). Антонимия — устойчивое явление в рассказе героя; оно как бы создает рамку душевной болезни: «... я тревожно **следил за этой длительной разлукой с собой** и даже боялся чьего-либо появления, которое вдруг остановило бы своей густой, непросвечивающей **тенью призрачную возможность моего возвращения в себя**...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 369). Сравнение «ближе к небытию, чем мечта или сон» актуализирует зыбкость, хрупкость, нестабильность душевного состояния героя-рассказчика. Только в этом состоянии, которое он определил как третью жизнь, герой видит ясно.

Герой-рассказчик стремится к состоянию блаженства (*сладострастие исчезновения*), сравниваемому с воспоминанием или сном, то есть состоянием полного покоя, свободы, переданное как прямым, так и суммарно-обозначающим способом изображения психологизма.

Размыкая круг эмигрантских переживаний, рассказчик использует контекстуальные синонимы (*исчезнуть, забыть обо всем*), сравнение (*сделаться похожим на цвет земли, незаметно исчезнуть совсем*). Рассказчик стремится раствориться в небытии незаметно, это выражено цветовым фоном (*потемнеть, почернеть*). Устойчивый оборот *последние минуты перед смертью* представлен как нормальное состояние (*очнуться*), то есть иметь возможность в другом мире жить спокойно, свободно.

До момента достижения третьей жизни герою-рассказчику суждено **последнее знание**, именно оно является ключом для входа в искомую жизнь. Первая форма психологического изображения часто сопровождается использованием перцептивной (тактильной и визуальной) семантики, которая помогает понять нюансы состояния рассказчика: «*И тогда я*

начал **приходить в себя**; и последняя моя мысль, которая и теперь во мне и необычайно **свежа, и холодна, как та влажная и незабываемая тьма**, в которой она возникла...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 371). Неслучайно перцептивное сравнение мысли и ночи во время болезни.

Желание найти третью жизнь в ситуациях душевных невзгод, ледяной тоски напоминает поиски лирического мира, сентиментального транса («Эвелина и ее друзья», «История одного путешествия», «Полет», «Пилигримы»), происходит взаимодействие тем, лейтмотивов, связанных с мечтами героев. Но визуальный характер проявления третьей жизни (**ослепительный свет, мягкий и нежный, как самые ранние воспоминания детства**) — возвращение на Родину в беззаботное детство, в то время как лирический мир — состояние влюбленности, пронизанное любовью к искусству, музыке.

Определение содержания третьей жизни находим в следующих словах: **«Я говорил себе, что если бы я нашел это знание, ... то с этой минуты началась бы третья жизнь — как прозрачная река, соединенная с ослепительным светом, мягким и нежным, как самые ранние воспоминания детства. Это была бы третья жизнь»** (Г.И. Газданов, 2009, с. 371).

Объяснения героем того, как понять третью жизнь, неоднозначны (как неразделенность реального и действительного, душевной драмы и отдыха от нее, *возможность иного видения мира*). Это знание герой искал всю жизнь, но оно было для него *призрачным*. И только один раз присутствует почти прямое указание на то, что такое для героя третья жизнь — но оно завуалировано в образ-сравнение, поэтому звучит это как мечта: как *прозрачная река...*, как *самые ранние воспоминания детства*. В этом тоже нет полной ясности, конкретности представления о *третьей жизни*, тем более, что используется форма условного наклонения (*это была бы третья жизнь*). Темпоральные показатели: *искал всю мою жизнь, каждый раз*, цепочка сравнений (*как тень, или оказывалось не тем, которое мне было необходимо, как воздух*), векторные антонимы (*находил/исчезало*) — подчеркивают важность обретения желаемого. Модус сомнения остается за счет условного наклонения (*началась бы, была бы, если бы нашел*).

Рефлексия героя-рассказчика на предмет доступа в третью жизнь передается суммарно-обозначающим и прямыми способами изображения психологизма: **«... в целом мире неизвестного есть только один узкий вход в эту третью жизнь; ... закрыть глаза... запахи, картины и образы, и после каждого из них не оставалось ничего, кроме зрительного воспоминания, бесплодного и пустого, как рисунок на песке или исчезающая полоса света»** (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Вход в третью жизнь сопровождается повышением чувственных восприятий: *звуковые тени третьей жизни, зрительные сравнения, определяющие неуловимость и хрупкость искомого мира (зрительно-го воспоминания, бесплодного и пустого, как рисунок на песке или исчезающая полоса света; как невозможный, сверкающий мираж)*. Доступ в третью жизнь достается только избранным (*только один узкий вход, с уделом единственного счастья, найти именно тот вход*).

Герой-рассказчик слышит отголоски мелодии третьей жизни, это оценивается перцептивным сравнением (*сверкающий мираж*): «... доносились далекие звуки, недоступные, недостижимые... Это были **звуковые тени третьей жизни**, оставлявшие меня всякий раз в состоянии жажды и душевного изнеможения, — **как невозможный, сверкающий мираж**. ... если бы мне не было суждено узнать третью жизнь, я все же никогда не перестал бы надеяться» (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Антонимические рамки: душевная тревога, жажда душевного изнеможения/периоды спокойствия; смерть/ожидание третьей жизни, неизвестного/суждено узнать задают ретроспекцию горьких переживаний (*беспоощадной памяти обо всем том, в чем так трудно и больно было жить; бессильное напоминание*) и счастливо-радостную перспективу (*все стало бы ясно, светло и хорошо; никогда не перестал бы надеяться, непрекращающегося ожидания*) восприятия происходящего; зона пересечения первой и третьей жизни — метафорически выраженные последствия (*ишрамы от давно заживших ран*).

Время поисков, стремлений к третьей жизни конкретно определено, уточнено показателями второй жизни: *мечты, представления*: «Я думаю, что **большие половины всего моего времени я потратил на мечты, поиски и представления** о том, каким должно было быть мое существование ...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 372).

Новые перцептивно-тактильные ощущения добавили краски третьей жизни: аллюзия, ассоциирующаяся с незыблемым неподвижным спокойствием, выходом из чужой среды, что отмечено контекстуальными антонимами: «...первый вечер **третьей жизни**. Он остался в моей памяти — **свежим и прохладным**; впервые после такого **раскаленного ожидания и душного неба святого Антония**...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 378). Метафора *неизвестной страны* связана с освобождением от всех тягестей эмиграции.

Ошибочность, иллюзорность, туманность желаемого облегчения эмигрантской жизни, после начала третьей жизни (к которой шел, но не постиг герой-рассказчик), раскрыты в следующих словах: «... с того дня (о начале третьей жизни. — А.К.) **началось то двойное существо-**

вание, которое любой врач определил бы как **сумасшествие**. ... мне **казалось**, что я не мог совершать **то ночное путешествие**, такое странное и **необычайно похожее на действительность**...» (Г.И. Газданов, 2009, с. 377).

Контекстуальные синонимы-определения, включающие метафору **призрачные и неверные берега**, сопутствующая ассоциация сна о Родине, поддерживаются сравнением (*все точно снится или не снится*) и аллитерацией шипящих звуков и создает визуально-аудиальный фон зимней России (*зима, снег, снежный шуршащий шум*). Перцептивная окраска образов Родины соответствует чувству свободы: «...земля со **снежным, шуршащим шумом**. То, как я вступаю в этот воздух, где **призрачны и неверны берега** ... я вижу в **нестерпимом просвете берег счастливой страны** ...».

После наступления третьей жизни (изображенной прямым и суммарно-обозначающим способами выражения психологизма) начинается **двойное существование**, которое номинируется героем как сумасшествие. Метонимия сонного ночного путешествия (контекстно синонимизируют лексемы *сон* и *путешествие*) выступает связующей нитью между мирами посредством сравнения *необычайно похожее на действительность*, это возможно благодаря сравнению (*как покрывало фокусника*) и образу зеркала — символа двоемирия. Фраза «*это было на самом деле*» передает одну ипостась существования; вторая ипостась противопоставлена: «*все точно снится или не снится*, маркер — модус сомнения и воображения **казалось**».

Мучительное многочисленное существование передается словами с количественной семантикой: *серия, множество/многочисленности, расщепляло*, например: «...**третья жизнь отличалась от предыдущих**. ... в исчезновении той мучительной **многочисленности существования**, от которой я **так страдал раньше**. Передо мной постоянно проходило **несколько одновременных серий событий**... **множество** неважных, **но параллельных и** соответствующих во времени **происшествий** **ежесекундно расщепляло** мое внимание... И эта **множественность существования** вдруг исчезла...» (Газданов, 2009, с. 380).

Интенсивы *мучительной, разрушительная сила*, показатели ретроспекции (*так страдал раньше, до сих пор, раньше я знал*), контраст *необычайного и несравнимого ощущения и душевных знаний* — указывают на желание героя проанализировать происходящее. Контекстуально чувство томления тяжелее и страшнее ожидания смерти, это эксплицирует сравнение (*томления более невыносимого, чем ожидание смерти*).

Варьирующей синонимический ряд с текстовыми повторами компонентов этого ряда: *печаль, скука* — сквозной во многих про-

изведениях Г.И. Газданова [Кухтенкова, 2015, с. 29]. Указанная синонимическая текстовая парадигма соотносится с описанием эмигрантской судьбы. Спасительная отдушина для эмигранта — путь к свободной и спокойной жизни. Это одна из ведущих психосоматических доминант творчества писателя, например: «**Раньше я знал печаль, и тоску, и скуку, и томление; но только потом, в минуты отчаяния... я узнал всю разрушительную его силу... ужасного томления, в тысячу раз более невыносимого, чем ожидание смерти** значило для меня больше, чем годы многолетней, непрекращающейся агонии» (Г.И. Газданов, 2009, с. 381).

На последних страницах текста герой-рассказчик осознает бесполезность усилий вернуться на Родину (поэтому угасает надежда на возможность обретения *третьей жизни*), воспоминание о которой связано с визуальными образами зимы и контрастно представленными звуковыми впечатлениями: «**Париж и открытое окно моей комнаты. ... Ушли навсегда все воспоминания, и неопределенное томление ожидания, исчезли снега, и море, и весь этот то гремющий и бунтующий, то безмолвный и белый мир, который я знал столько лет...**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 381).

Используется грустная аллюзивная перифраза *далекая страна*, и снова возникают трагические, переданные метафорически образы пережитого, связанные с эмиграцией (*кораблекрушение, страшной дали*), соотнесенные с контрастным аудиальным впечатлением (*пронзительный женский плач, всхлипывание ветра, плачет океан*); аудиальные образы сменяются тактильными (*влажный туман и горячая земля*).

Перцептивное преломление воспоминаний делает переживания особо ощутимыми, как бы приближает прошлое к настоящему: «**осталось только безвозвратное путешествие в далекую страну.... Это похоже на кораблекрушение: вдали догорает корабль и плачет утопающий, вокруг ночной океан, — и впереди, за пеленой влажного морского тумана, горячая земля почти недоступной страны — единственной, на которой возможна моя жизнь. Не осталось ничего, кроме этого последнего путешествия, весь мир закрыт для меня, и есть только эта страна ...**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 382).

Пространственные ментальные локусы (*безвозвратное путешествие в далекую страну, почти недоступной страны, последнее путешествие*) выражают отчаяние эмигранта и иллюзорность *третьей жизни*. Хронотопный контраст *весь мир закрыт/ единственной страны, на которой возможна жизнь* определяет причину переживаний героя-рассказчика. Образ океана, глобализирующий осознание мучительной

тоски героя, дополняется, как мы видим, и темпоральной метафорой, и связанным с ней сожалением о тускнеющей памяти.

В самом конце рассказа перцептивный контраст *темное пространство/ослепительное сиянье*, соединенный мотивом ожидания, выражает рефлексию героя-рассказчика (*признаться себе во всем — до конца*), например: «... и после всего, **вместо мрака**, которого я **ожидал**, я увидел точно **ослепительное сиянье воздушной реки...**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 383). Перцептивная метафора подсказывает начало нового жизненного этапа, то есть жизнь без грез и миражей.

Заключительные строки произведения тоже связаны с перцептивной темой. Благодаря визуальному сравнению как *снежная тень*, *проходящая вдоль моей жизни*, поддержанному зрительной и тактильной переключкой, появляется напоминание об эмиграции: «В ту ночь, когда я **потерял себя** ... вблизи, в **горячем воздухе — холодное и спокойное течение**, — как **снежная тень, проходящая вдоль моей жизни**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 383). Перцептивный контраст *зимний туман/горячий воздух* соединяет приятные воспоминания и боль эмиграции. Метафора *холодное и спокойное течение* подразумевает жизненную реку, частью которой является *снежная тень* — возможно, метонимическое изображение былой жизни на Родине и воображаемое путешествие в третью жизнь.

Третья литературная жизнь выглядит так: «**Очень давно, в самом начале** моего пребывания в **Париже**, я сильно хотел **литературного признания**; а вместо этого. ... часть моего существования, которая была **рядом автоматических движений, лишенных душевного содержания...**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 376). Здесь представлена творческая жизнь, ретроспективно ассоциирующаяся с *литературным признанием* и возможностями (*очень давно, в самом начале*), перелом — поиски третьей жизни (душевное содержание).

Переходы из одной жизни в другую синонимично-метафорически номинируются душевным погружением, душевной темнотой и темной пеленой (*видения, бесплодности и бессилии всего существующего*), антонимической рамкой *покой, безразличие, спокойствие/постоянная тревога*. Они переключают и сочетают возможные способы передачи психологического состояния: «**Переходы из одного душевного состояния в другое** — обычно совершающиеся незаметно, — были для меня очевидны; и мысли, которые в те минуты занимали меня, или **параллельно этому душевному погружению**» (Г.И. Газданов, 2009, с. 376). Душевное тепло герой-рассказчик получает только в воспоминаниях о заснеженной России. Только в *третьей жизни* можно достичь гармоничной свободы.

Итак, искомое героем-рассказчиком состояние блаженства ассоциируется с воспоминанием или сном и выражается как прямым, так и суммарно-обозначающим способами изображения психологического состояния. Суммарно-обозначающая форма неустойчивого душевного состояния героя нередко сопровождается наблюдением варьирующего света фонарей на парижских улицах с *воспоминанием* о петербургских фонарях. Это становится признаком третьей жизни. При смене прямой формы изображения психологизма на суммарно-обозначающую осуществляется перевод душевной болезни в третью жизнь (при помощи интенсификации/экстенсивности, метафор, сравнений, перцептивных образов и модуса воспоминаний, омытых символическим дождем как перспективным намеком на изменения).

Наступление третьей жизни обозначено усилением чувственных восприятий (запахи, синестезийная метафора, зрительные сравнения), определяющие зыбкость желанного мира. Аллюзии связаны либо с доэмигрантской счастливо-любимой жизнью, либо со светлыми перспективными надеждами избавления от тягот эмиграции. Именно текстообразующие сравнения определяют лейтмотив двоемирия. Темпоральные маркеры, цепочки сравнений, векторные антонимы актуализируют значимость обретения желаемого. Антонимические рамки определяют ретроспекцию тягостно-мучительных переживаний и успокоительную перспекцию восприятия происходящего; зона пересечения — метафорически выраженные следы душевных травм.

Стремление обрести третью жизнь связано с проявлением межтекстовых лейтмотивов лирического мира, сентиментального транса, то есть перекличкой с такими произведениями как «Эвелина и ее друзья», «История одного путешествия», «Полет», «Пилигримы».

Библиографический список

Асмолова Е.В. Своеобразие художественного психологизма в романах Газданова, М., 2006.

Асмолова Е.В., Терехова С.С. Поэтика психологизма в романах и документальной прозе Г.И. Газданова. Калуга, 2020.

Коломин Д.Е. Женские образы в рассказах Газданова: к вопросу о неавторских циклах в прозе. URL: <http://www.hrono.ru/text/2008kolo0308html>

Кухтенкова А.А. Аллюзивный фон смысловых текстовых парадигм в романе Г.И. Газданова «Возвращение Будды» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2015. Т. 15. № 3.

Источник

Газданов Г.И. Собрание сочинений: в 5 т. М., 2009. Т. 2.

References

Asmolova E. V. Svoeobrazie khudozhestvennogo psikhologizma v romanakh Gazdanova, [Originality of artistic psychologism in Gazdanov's novels]. Cand. Of Philol Diss. Moscow, 2006.

Asmolova E.V., Terekhova S.S. Poetika psikhologizma v romanakh i dokumental'noy proze G.I. Gazdanova [Poetics of psychologism in novels and documentary prose by G. I. Gazdanov.]. Kaluga, 2020.

Kolomin D.E. Zhenskiye obrazy v rasskazakh Gazdanova: k voprosu o neavtorskikh tsiklakh v proze [Women's images in Gazdanov's Stories: on the issue of non-author cycles in prose] Elektronnyy resurs. URL: <http://www.hrono.ru/text/2008kolo0308html> (accessed 12.12.2020).

Kukhtenkova A.A. Allyuzivnyy fon smyslovykh tekstovykh paradigm v romane G. I. Gazdanova "Vozvrashcheniye Buddy" [Allusive background of semantic text paradigms in G. I. Gazdanov's novel "The Return of the Buddha"] Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Izvestiya Saratovskogo universiteta. New series. Series: Philology. Journalism.]. 2015. Vol. 15. No. 3.

A source

Gazdanov G.I. *Sobranie sochineniy*. [Collected works: in 5 vols]. 2009. Vol. 2.